

Марианна Пиццолато:

МНЕ НИКОГДА НЕ ХОТЕЛОСЬ «СБЕЖАТЬ» С ТЕРРИТОРИИ БЕЛЬКАНТО

В феврале в столице стартует уже полюбившийся меломанам третий международный фестиваль «Опера априори». Среди звезд этого форума одно из самых притягательных имен – меццо-сопрано из Италии Марианна Пиццолато, выдающаяся россиниевская певица современности

Александр МАТУСЕВИЧ

– Что повлияло на ваш профессиональный выбор?

– Наверное, музыкальная среда, к которой моя семья была причастна. Мои предки были мастерами музыкальных инструментов – они делали скрипки и гитары (некоторые родственники занимаются этим до сих пор). Я жила в маленькой деревушке Кьюза Склафани, там звучало много музыки, много песен. В двенадцать лет начала учиться игре на саксофоне, и можно сказать, что «ящик Пандоры» был открыт – всё, что я слышала вокруг, теперь могло быть воплощено мною в звуках этого инструмента. В пятнадцать начала петь в церкви, и мой голос был замечен хормейстером, он его выделял среди других подростков, приходивших в храм. Мне очень нравилось туда приходить и петь, пение постепенно стало моим самым любимым занятием – я отдыхала душой на этих уроках. Постепенно погружалась в это всё больше и больше, и пение стало не просто хобби, но смыслом всей жизни. Мне нравилось узнавать новое об опере, о вокале, слушать записи певцов, ходить на концерты и смотреть спектакли – словом, постепенно меня это захватило полностью. Мир оперы казался мне исключительно прекрасным и притягательным, и я стремилась к нему всей душой. Первой записью полной оперы, которую я услышала, был «Севильский цирюльник» с Марией Каллас. Для меня это стало шоком и откровением одновременно – с одной стороны, я была поражена красотой и совершенством исполнения, с другой, не могла поверить, что возможно достигнуть такого необыкновенного результата, что простой человек, например, такая девушка как я, учась вокалу, постепенно сможет петь столь прекрасно, как на той пластинке. Эта запись породила во мне противоречивые чувства, но одновременно дала огромный импульс к дальнейшему постижению профессии.

– Вы упомянули Каллас. Кто еще из великих певиц прошлого или, может быть, выдающихся исполнителей наших дней повлиял на вас в период становления?

– На меня повлияли очень многие певцы золотого века итальянской оперы. Необходимо назвать такие имена как Джульетта Симионато, Рената Скотто, Лючано Паваротти и многие другие. По мере изучения репертуара меццо-сопрано я узнавала всё больше певиц этого амплуа или же тех, кто исполнял меццовый репертуар (были и есть певицы, которые, не обладая природным меццо или контральто, тем не менее очень органичны в этих партиях). Среди «открытий», которые поразили меня в свое время и дали очень много для понимания профессии и искусства, необходимо назвать Кристу Людвиг, которая была долгие годы моим кумиром, певицей номер один среди всех прочих исполнительниц. Чуть позже я познакомилась с искусством Джесси Норман и Чечилии Бартоли, также оказавших на меня большое влияние. И еще я должна назвать одно имя – Ольга Бородина: это голос, который сразил меня с первой ноты своего звучания – огромный, темный и очень красивый. И до сих пор Ольга – одна из самых моих любимых певиц. Все, кого я перечислила выше – это конечно не только великие, уникальные голоса, но и большие личности, артисты, которые всегда очень интересны, в любом репертуаре.

– Что вы думаете о современных стандартах вокала, о качестве пения нашего времени?

– Думаю, что стандарты изменились, и это вполне естественно, ибо меняется мир вокруг нас. Если говорить только о технической стороне дела, то я не согласна с утверждениями, которые можно часто услышать, что сейчас поют хуже, чем раньше – напротив, сегодня можно встретить куда более изощренную эквилибристику. Технический блеск, точность воспроизведения музыкального материала, строгое следование штрихам и нюансам, указанным в партитуре, – этому придается огромное значение, что повышает в целом культуру пения. Однако мир, окружающий сегодня певца, намного жестче и враждебней к нему, чем раньше. Нет такого почитания голосов,

© Matilde Fasso

Эмма в «Зельмире» ▲
Россини на фестивале
в Пезаро

«Мария Стюарт» ►
Доницетти

как прежде, нет любви к тембрам, внимания к качеству голосов. Певца не ценят более только за это – дирижерам, а в особенности режиссерам нужен комплекс артистических данных, и в этой череде голос, тембр певца стоит далеко не на первом месте. И это, конечно, отражается на качестве вокала – не на технической стороне, а на выразительности, на силе эмоционального воздействия, которое несет с собой пение. Мне кажется, что вот именно с этим сейчас гораздо хуже, чем было 50–80 лет назад.

– Ваше отношение к современной режиссуре в опере?

– Я не только певица, но и актриса. Я люблю современные подходы к опере. Мне нравится игра, экшн, нравятся постановки, в которых перед тобой ставятся сложные актерские задачи. Я люблю театр, действие, шутку на сцене, какие-то неожиданные решения и не считаю, что опера должна быть главным образом вокальным концертом. Но я не приемлю постановки, которые разрушают музыку, разрушают саму идею композитора. Эксперимент, режиссерская смелость, новация должны все-таки быть в пределах разумного – возможны самые смелые решения и подходы, но все же они должны отвечать музыкальному строю произведения. К сожалению, сегодня очень много, особенно на сценах Германии, Австрии и некоторых других стран, по-настоящему чудовищных постановок, где эксперимент существует ради эксперимента и совершенно ничем не оправдан.

– Вам приходилось участвовать в таких постановках?

– К сожалению, да, причем с самого начала моего творческого пути. Одна из постановок на заре моей карьеры – опера Моцарта «Так поступают все женщины» в Австрии. Моя Дорабелла была проституткой, и этим всё сказано. Я прекрасно понимаю, что постановщикам совсем не просто найти какое-то новое решение в операх, которые имели на своем веку тысячи разнообразных интерпретаций. Но это их не оправдывает – нельзя ради новизны и стремления удивить публику, запомниться ей во что бы то ни стало, жертвовать великой музыкой.

– Вы поете разную музыку, касаетесь в своем творчестве разных стилей. В чем принципиальная разница между ними?

– В основном я пою оперу бельканто – барокко или романтизм гораздо меньше, хотя в начале моей карьеры барочных партий было достаточно. Это мой сознательный выбор, то, что лучше подходит моему голосу и лучше отвечает душевным устремлениям. Чисто формально, технически отличий не очень много – и в барокко, и в бельканто вы должны владеть дыханием, колоратурной техникой, это же самое вам пригодится и для романтического репертуара. Как мне кажется, именно в операх бельканто гораздо важнее, чем в барочной опере, игра тембральными красками, эмоциональное наполнение звука. Как говаривал Альфредо Краус, и я с ним согласна, петь красиво и петь правильно – это далеко не всегда одно и то же. Музыка барокко требует большего внимания к технике, а музыка бельканто – к выразительности.

– Россини – композитор номер один в вашей карьере?

– Да, безусловно. Его музыка наилучшим образом ложилась на мой голос, природные данные моего инструмента в максимальной степени подходят именно для россиниевских партий. Россини написал невероятное количество отличной музыки, подходящей для колоратурного меццо – может быть, как никакой другой композитор. Я всегда чувствовала себя очень естественно на этой тер-

ритории, как дома. Надеюсь, что мне удастся еще долго сохранить гибкость голоса и выступать в его операх. И я всегда была довольна своей специализацией – музыка бельканто и, в частности, Россини дает очень много возможностей для самореализации певца. Мне никогда не хотелось «сбежать» с этой территории, например, в мир Верди или Вагнера. Хотя я пою вердиевскую музыку – но не очень много, чаще других партию Фенены – небольшую, но с очень красивой арией. В перспективе, наверное, возьмусь за Эболи.

– Какие выступления вам особенно памятные?

– Конечно, все мои выступления с маэстро Дзеддой – это всегда было праздником. Да и не только выступления – все занятия, репетиции с ним – это дорогого стоило. Считаю себя счастливым человеком, что провела столько времени в его обществе, могла у него учиться. Помню свой дебют в Пезаро, когда я заменила Казарову в партии Танкреда. «Золушка» в Париже и мой вердиевский дебют в «Ковент-Гардене» (это был «Набукко» с Доминго и Нуччи) – вот это, наверное, самое памятное.

– Работа с кем из коллег доставила наибольшее творческое наслаждение?

– Из дирижеров, помимо Дзедды, это, конечно, Мути и Паппано. Если говорить о коллегах-певцах, то здесь также было много счастливых встреч – Грегори Кунде, Джойс Дидonato, Патриция Чофи, Лоуренс Браунли, Хуан-Диего Флорес – великие имена, большие сердца!

– Среди этого блистательного списка есть место русским певцам?

– Безусловно: Ильдар Абдразаков, Максим Миронов, Сергей Романовский – великолепные партнеры, большие личности!

– Каковы ваши отношения с русской музыкой?

– К сожалению, пока я мало пела русской музыки – только камерные произведения. Но надеюсь в будущем спеть в таких операх как «Евгений Онегин» и «Пиковая дама».

– Что вы ждете от встречи с русской публикой?

– Я уже выступала в Москве – прием был ошеломительным, и я с радостью возвращаюсь в Россию. Надеюсь, наш концерт будет удачным. Из партнеров, с кем предстоит выступать, могу рекомендовать венгерского баса Балинта Сабо – отличного исполнителя, уверена, что он понравится московским меломанам.

Фото предоставлены
фестивалем «Опера априори»

